

Георгий Чулков

Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой

Георгий Иванович Чулков Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665275

Чулков Г.И. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«Положение Тютчева по отношению к цензуре было двусмысленно: с одной стороны, он был сторонником свободы печати; с другой стороны, он сам служил в цензурном ведомстве, а с 1857 года состоял председателем Комитета Иностранной Цензуры и в силу этого являлся членом Главного Управления по делам печати...»

Георгий Иванович Чулков

Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой

В архиве Муранова среди обширной переписки Тютчевых имеется между прочим ряд писем поэта к И. С. Аксакову. Большинство из них никогда не было опубликовано. Известны только две-три цитаты из них в «Биографии Ф. И. Тютчева», написанной Аксаковым, и одно письмо Тютчева к тому же адресату от 23 октября 1861 года. Это последнее письмо появилось в 13-м номере «Московск. Понед.» 11 сентября 1922 года. К сожалению, оно было напечатано не совсем точно.

Переписка Тютчева с Аксаковым охватывает десятилетие от 1861 до 1871 года. В Мурановском архиве из этой переписки сохранилось 34 письма. За исключением двух французских, все эти письма на русском языке. Некоторые из писем не датированы. Эти письма, надлежащим образом комментированные, составили бы не менее пяти печатных листов. Они представляют немалый интерес для историка русской литературы и русской общественности. Изложение содержания всех этих писем не входит, однако, в нашу сегодняшнюю задачу. Мы ограничим наш план извлечением из посланий поэта тех цитат, которые характеризуют взгляды

Тютчева на так называемую свободу слова. Ближайшим поводом для высказываний Тютчева по этому вопросу, послужили публицистические выступления Аксакова, имевшие место в его изданиях – «Дне», «Москве» и «Москвиче».

Еженедельная газета «День» начала выходить 15 октября 1861 года. В этом году вышло одиннадцать номеров, затем в 1862 году вышли номера 12-52-й. На 34 номере 1862 года Аксакову «по высочайшему повелению» запрещено было издавать газету, но с 15 октября 1862 года запрещение было снято и издание вновь дозволено под редакцией того же Аксакова, при чем второй год издания начался уже с 1-го января 1863 года.

Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета «Москва» выходила под редакцией Аксакова в течение 1867–1868 г.г. (№№ 1-193 и 1-160). – За 22 месяца своего существования с 1 января 1867 г. по 21 октября 1868 года газета получила десять предостережений и трижды была приостановлена – в первый раз на три, второй на четыре и третий на шесть месяцев.

С 23 декабря 1867 г. по 14 февраля 1868 года «Москву» заменяла другая газета «Москвич». Ее номинальным редактором числился П. Андреев, а фактически газету продолжал редактировать И. С. Аксаков.

Цикл неизданных писем Тютчева открывается письмом его от 8 декабря 1865 года, посвященным статье Аксакова в «Дне» от 4 декабря 1865 года. Статье Аксакова предше-

ствовали следующие обстоятельства. 6-го апреля 1865 года состоялся высочайший указ Правительствующему Сенату, при котором приложено «высочайше утвержденное того же числа мнение Государственного Совета о переменах и дополнениях в ныне действующих цензурных постановлениях». Этим указом предоставлялось право повременным изданиям выходить без предварительной цензуры, но вместе с тем вводилась система так называемых «предостережений», система, заимствованная из практики тогдашнего французского закона, введенного министром Персиныи. И. С. Аксаков подверг подробному анализу и критике правительственную реформу и опубликовал этот разбор 24 апреля 1865 года в своем «Дне». Впервые «День» вышел без предварительной цензуры 11 сентября 1865 года. В первой статье Аксаков писал: «Наконец-то! Сегодняшний номер выходит без предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаем, что прочтем ее в печати в том виде, в каком мы ее напишем. Сегодня мы не обязаны соотноситься со вкусом, доблестью и мирозерцанием „господ команду на заставах и шлагбаумах имеющих“, (как писалось в старинных паспортах). Сегодня кошмар, во образе цензора, не станет мешать нашей работе, спирать дух, давить ум и задерживать перо»...

И далее: «Нравственные пытки, которым при предварительной цензуре подвергался писатель, могут быть сравнены разве только с пыткой художника кисти и карандаша, когда

непрощенный ценитель мазнет толстым пальцем по его све-
жему рисунку и не высохшим краскам»... Однако, Аксаков
в той же статье выражает опасение, чтобы свобода печати
не превратилась в ее подобие. И в конце статьи спрашивает
в недоумении: «Но точно ли, точно ли уже дождались мы
солнца? Точно ли исчезли и последние тени ночи и настал
честный белый день?»

Сомнения Аксакова имели серьезные основания. В конце
того же года Тютчев узнал, что «сферы» готовят предостере-
жение Современнику за статью М. А. Антоновича «Суемуд-
рие Дня», направленную против Аксаковского «Дня», и со-
общил об этом Аксакову. Мы знаем об этом, между прочим,
из неизданного письма И. С. Аксакова к его невесте, Анне
Федоровне Тютчевой, дочери поэта. Аксаков был в немалом
смущении по поводу «медвежьей услуги», которую оказало
ему правительство.

Максим Алексеевич Антонович (1835–1920 гг.), после
Чернышевского занимал видное место в критическом отделе
«Современника» с 1863 вплоть до 1868 года, когда, поссо-
рившись с Некрасовым, покинул редакцию и опубликовал
скандальную брошюру с разоблачением закулисных дел жур-
нала. И вот этому самому Антоновичу, который, как «ниги-
лист», был, конечно, ненавистен Аксакову, надо было отве-
чать, считаясь с тем, что явились непрощенные союзники в
лице чиновников цензурного ведомства. В своем ответе Ак-
саков, уже предупрежденный Тютчевым о грозящей «Совре-

меннику» репрессии, старался, между прочим, внушить правительству мысль о нелепости и опасности всяких полицейских кар по отношению к печати независимо от ее направления. По поводу атеистической тенденции в статье Антоновича Аксаков пишет: «Мы не видим, почему, например, человеку, искренно неверующему, нельзя было заявить об этом печатно, не подвергаясь суду или иного рода преследованиям. Что за дело государству до того, верит ли такой-то литератор или не верит в бога, если он исполняет все свои гражданские обязанности? Область совести не есть область государства»... Тютчев по поводу этой статьи Антоновича писал ему из Петербурга 8 декабря 1865 года: «Много благодарны, любезнейший Иван Сергеевич, за вашу последнюю передовую статью¹. Это настоящее *argumentum ad hominem* или, по русски, она угодила нам не в бровь, а прямо в глаз. – Надеюсь, что в следующем номере вы оговоритесь, и положительно об`явите, что при невыполненном условии вы отказываетесь от всякой полемики». Аксаков с буквальной точностью исполнил предуказание Тютчева и поместил такую «оговорку»: «В № 49, в передовой статье, мы выразили радость появлению статьи г. Антоновича в „Современнике“ под названием „Суемудрие Дня“ и открывающейся, наконец, возможности полемизировать с нашими противниками в защиту основных принципов славянофильства – наших религиозных, политических и социальных убеждений. Радость наша была

¹ «День» 1865, 4 декабря, № 49.

преждевременна. Наш Но вышел в свет 4 декабря, а 5 декабря в Северной Почте напечатано предупреждение „Современнику“ именно по поводу статьи Антоновича. Этим способом, к величайшему нашему сожалению и к вящему успеху и торжеству враждебных нам мнений по вопросам веры, церкви и т. д., прекращается для нас возможность бороться с нашими противниками вполне равным оружием, и мы вынуждены приостановить с ними всякую полемику – до тех пор, пока административные распоряжения не будут мешать лжи высказываться свободно, до полноты абсурда, и тем спасти ее от поражения и самоубийства». (День, 1865 г., Но № 50 и 51, стр. 1225). В том же письме от 8 декабря Тютчев писал: «Недоразумение, непонимание вопроса, не в одних правительственных кругах, но в самой общественной среде. Я третьего дня обедал у кн. Горчакова, нас было человек девять – людей, считающихся весьма образованными и либеральными – и что же? Из них изо всех один только понимал как следует значение так верно вами поставленного вопроса, а именно, что всякое вмешательство власти в дело мысли не разрешает, а затягивает узел – что будто бы пораженное ею ложное учение – тотчас же, под ее ударами изменяет т.-с. свою сущность и вместо своего специфического содержания приобретает вес, силу и достоинство угнетенной мысли. – Но еще раз этого им нескоро понять – так как даже и их учителя, в Западной Европе, не могли еще этого совершенно в толк взять. Нас опять и по этому вопросу приве-

ла к абсурду наша нелепая бестолковая подражательность. – Я тогда еще им старался выяснить, что пересадка на нашу почву французской системы предостережений составит колоссальную нелепость; во Франции эта мера чисто полицейская выработанная обстоятельствами, для прикрытия (личности) теперь господствующей партии от слишком рьяного напора соперничающих партий, тут есть смысл и толк, как во всяком деле необходимость – и вот почему французское avertissement заключило себя в определенной довольно тесной сфере, оставив вне оной все, что собственно может назваться доктриной, учением... Между тем, как у нас, с первых же пор, эта система предостережений присвоила себе безграничную юрисдикцию по всем вопросам – и решает, как ей угодно, все познаваемое и изглаголанное... и все эти нравственные чудовищности и вопиющие нелепости проявляются у нас с таким милым детским простодушием. – И вот почему – дорогой Иван Сергеевич – ваш День во что бы то ни стало, не должен ни на минуту сходить с нашего горизонта. Значение ваше не в рати, а в знамени. Знамя это создаст себе рать, лишь бы оно не сходило с поля битвы. Не бросайте и не передавайте его. Это мое задушевное убеждение. Ф. Тютчев».

Несмотря на такие настойчивые советы Тютчева продолжать издание «Дня», закрытие этого издания было уже пред-
решено в то время самим редактором, Аксаковым. Главным основанием для этого послужили обстоятельства личные. В

это время Аксаков вел очень деятельную переписку со своей невестой, А. Ф. Тютчевой. Небольшая сравнительно часть этой переписки была опубликована в четвертом томе писем Аксакова, изданных Публичною Библиотекою. Летом 1865 года Аксаков писал невесте из Ялты: «Мудренько будет мне издавать „День“ по возвращении. Мудрено потому, что теперешнее состояние не есть спокойное обладание, а только еще стремление к нему, и на пути – тысяча препятствий. Я хотел писать отсюда разные письма к сотрудникам и корреспондентам, взял некоторые статьи прочесть, некоторые книги, и ничего не читаю. Я просто забыл, что я редактор. Будто я был когда-то редактор? Быть не может.» («И. С. Аксаков в его письмах» 1896, IV т., стр. 138.) Из дальнейших писем, пока еще неизданных, видно, что И. С. Аксаков решил прекратить издание «Дня». Так и случилось. В конце 1865 года вышел последний номер еженедельника.

12 января 1866 года состоялось бракосочетание И. С. Аксакова с дочерью Тютчева. Этот первый год супружества Аксаков посвятил исключительно семье. Но уже с первого января 1867 года Аксаков снова делается редактором и начинает издавать ежедневную газету «Москва».

Пятого января 1867 года Тютчев писал из Петербурга И. С. Аксакову: «Поздравляю вас от души с появлением Москвы. Пошли ей господь бог долгое, долгое и если не совершенно мирное, то по крайней мере, не слишком бурное житие. Созвездия довольно благоприятны. Новый предсе-

датель Совета Главного Управления Похвиснев оказывается человеком рассудительным и самостоятельным, с этим можно будет жить. По делам внешней политики сверх того, что вам известно из газет, особенно интересного сообщить вам не имею. Кроме одного факта, о котором узнал только вчера – это предложение, сделанное Бейстом о пересмотре в нашу пользу Парижского трактата. Не думаю, чтобы эта выходка была бы вызвана нами, и желательно очень, чтобы нашего достоинства ради, мы не придавали ей особенного значения. Мы не можем и не должны признавать за Европою права определять для России, какое место ей принадлежит занять на Востоке, по несчастью мы этого ей сами, в собственном нашем сознании, определить не умеем. Не только в правительственной среде, но даже и в печати»... «Вообще пора бы нашей печати, как силе чисто нравственной, менее дипломатически относиться к вопросу – и пользуясь своею фактической безответственностью – прямо и положительно заявить исторический лозунг этого дела»...

«Нельзя довольно сочувствовать высказанной вами истине, что в наше время главная ответственная часть лежит на обществе, а не на правительстве – в этом заключается целое направление, и очень желательно, чтобы Москва проводила его как можно более последовательно. И вот почему тон, усвоенный Москвою, оказался всем вполне соответственным тому, чего так логично-настоятельно требует данная минута».

«Да и как при несколько трезвом, спокойном взгляде на окружающую среду не убедиться, что у нас в обществе ли, в правительстве ли, все, еще идущее наперекор национальному стремлению, есть ничто иное, как недоразумение, несознательность, просто отсталость – это все наши Европейцы, вне всякой действительности – и скоро очутятся в той среде, что даже и в виде призраков им нельзя будет продолжать свое существование и они просто испарятся. Вот почему, чтобы придать нам какое-либо серьезное значение, надобно прибегать, как например Катков, к самым фантастическим ухищрениям. Я нисколько не отрицаю возможной зловредности и даже очень значительной – но этой зловредности по недоразумению, следует противодействовать, не катилинариями, даже не сарказмом, а спокойным по возможности и разумным разрешением дела»...

«Все ваши передовые статьи отлично хороши, особливо статья в № 6. Тут вопрос весь с корнем. Вот в чем и есть несомненное превосходство вашего учения над всеми прочими оно вернее – потому что глубже». (Муран. Арх. Подлин. I 17/4).

Через три дня, 8 января, Тютчев снова пишет Аксакову:

«Теперь я, кажется, в состоянии передать вам с большей достоверностью впечатление, производимое вашею Москвою на разумное большинство здешней публики – оно в высшей степени благоприятное, только те, которые рассчитывали на скандал, чувствуют себя несколько озадаченными.

Что особенно порадовало всех здравопонимающих – это при неизменности направления – для многих неожиданная безжелчность тона. В данных обстоятельствах это сила. – И в самом деле прежняя резкость тона была бы теперь сущим анахронизмом – то, что прежде называлось славянофильскою идеею, сделалось теперь силою вещей – общим достоянием, она, так сказать, распустилась в действительности... Не странно ли бы было сохранить за нею, в изложении, ту запальчивую исключительность и нетерпимость, на которые вызывали ее прежние отношения. Да и при том стоит только привести в сознание ту историческую минуту, что мы теперь переживаем – если нельзя еще сказать: *Annibal ante portas*, но не подлежит, однако, сомнению, что день великого столкновения все ближе и ближе. Хотя бы даже и затянулся на несколько времени восточный вопрос, но мирно он ни в каком случае не разрешится. Был ли бы какой смысл, в виду предстоящих событий – перед лицом наступающего неприятеля – заводить из за пустяков ссоры и споры в собственном лагере? Мы имеем теперь полную возможность весь нам присущий оппозиционный элемент обратить, с большей разумностью, против наших настоящих, несомненных противников – тут есть где расходиться полемическому задору и над чем вдоволь испробовать свою руку.» (Мур. Арх. Подлин. I 17/4).

К этим письмам надо сделать два примечания. Во-первых относительно М. Н. Похвиснева. Не все тогда разделя-

ли оптимистический взгляд Тютчева на это назначение. Даже А. В. Никитенко писал в своем дневнике 4 декабря 1866 года: «Управление по делам печати идет совершенно ложным путем. Оно усвоило себе только один элемент силы – элемент полицейский, забыв вовсе, что в кругу, в котором оно действует, есть еще очень важный элемент силы – элемент нравственный. Кажется, оно решилось совсем ни в каком случае не признавать значение силы мыслительной и силы нравственной»... И далее: «Теперь Валуев думает, что он принял важную меру, переменяв Щербинина на Похвиснева, т. е. заменив чиновника одряхлевшего чиновником помоложе». (Никитенко. Дневник. СПб. 1905. II т., стр. 315–316). Но и М. Н. Похвиснев оказался недостаточно твердым. Он покинул свой пост в сентябре 1870 года. Его место занял свиты е. и. в. генерал-майор М. Р. Шидловский, которому было поручено подтянуть печать.

Второе примечание касается упоминаний Тютчева о передовой статье Аксакова в шестом номере «Москвы». Аксаковская статья, о которой Тютчев пишет «тут вопрос весь с корнем», посвящена отношениям папства и православия в связи с тогдашними ближневосточными делами. В этой статье Аксаков, между прочим, старается доказать, что равнодушие Запада к судьбе угнетенных султаном христиан и, напротив, страстное сочувствие полякам, восставшим против России, объясняются мотивами вероисповедными. Латинский папизм менее враждебен исламу, чем православию.

Таков смысл Аксаковской статьи, о которой так лестно отзывался Тютчев.

18 апреля 1867 года Тютчев пишет по поводу приостановки Аксаковым издания: «Сочувствие к „Москве“ несомненное и общее. Все говорят с любовью и беспокойством: не умерла, а спит – все ждут нетерпеливо ее пробуждения. Но вот в чем горе: пробудится она при тех же жизненных условиях и в той же органической среде, как и прежде, а в такой среде и при таких условиях газета, как ваша Москва, жить нормальной жизнью не может не столько вследствие ее направления, хотя чрезвычайно ненавистного для многих влиятельных, сколько за неумолимую честность слова. Для совершенно честного, совершенно искреннего слова в печати, требуется совершенно честное и искреннее законодательство по делу печати, а не тот лицемернонасильственный произвол, который теперь заведывает у нас этим делом и потому [неизменявшейся?] „Москве“ долго еще суждено будет вместо спокойного плаванья биться как рыбе об лед».

Приостановка Москвы волнует Тютчева, потому что он предчувствует близость необычайно значительных событий, которые останутся без надлежащих разъяснений в печати. Он предсказывает столкновение Франции с Германией, которое, как известно, действительно состоялось через три года: «Война состоится – пишет Тютчев – она неизбежна, она вызывается всею предыдущею историей Западного развития. Франция не уступит без бою своего политического пре-

обладания на Западе, а признание ею объединенной Германии законно и невозвратно совершившимся фактом было бы с ее стороны равносильно отречению ее от всего своего Европейского положения, – борьба следственно неизбежна. Это будет первая сознательная племенная война между составными частями Европы Карла Великого, т. е. первый шаг к ее разложению и этим самым определится мировой поворот в судьбах Европы Восточной. Вот вопросы, которые неминуемо уяснятся до общего самосознания на предстоящей сходке Всеславянской, хотя конечно, приостановка „Москвы“ в данную минуту отзовется страшным диссонансом в нашем оркестре».

После весеннего запрещения через три месяца газета Аксакова была восстановлена, но дамоклов меч продолжал над ней висеть. В августе того же года Тютчев писал: «Москва ваша страшно утруждает наше бедное Главное Управление. Вот уже второе заседание обуревается ею, и все еще не могли притти ни к какому заключению – отложено до следующего. В самом составе Гл. Управл. нет положительной против вас враждебности. Их только огорчает ваша чрезмерная резкость. Враждебность свыше. Я по возвращении сюда наговорил им самых горьких истин, а именно, что они по несостоятельности делаются орудием партии, не принадлежа к ней, – что они лишают себя всякого нравственного авторитета своим, хотя и не преднамеренным, но ясным лицепрятием – со всем этим они почти что соглашаются. Но что же де-

лать!.. Так приказано. Однако же мне кажется, любезнейший Иван Сергеевич, что помимо всех этих дрызг, следовало бы серьезно обдумать вопрос о существовании „Москвы“, при данных условиях было бы весьма грустно даже и временное ее запрещение. Подумайте только о том, как это отзовется за границу, между славянами, не говоря уже о вреде в самой России. Избегнуть же этой крайности – чистосердечно говоря – можно и без больших уступок... Не стесняясь несколько в обсуждении общих вопросов, следовало бы только, когда дело идет о какой-нибудь правительственной мере, понизить хоть полутонном личную полемику. Эта-то резкость личной полемики всего более и смущает их, – а скажите по совести, стоит ли из-за этого хотя и очень приятного самодовольствования жертвовать сущностью дела». – Любопытно сопоставить с этим письмом цитаты из писем Тютчева к жене, относящиеся также к вопросу о цензуре и к положению, в котором тогда находилось Аксаковское издание. 2 июля того же года Тютчев писал: «Газета Аксакова опять появилась, и его первая статья по поводу покушения (Париж, май, Березовский) одна из самых верных и метких вещей, сказанных о польском вопросе. Однако, я не буду удивлен, если уже этот первый номер вызовет предостережение, вследствие нескольких предварительных слов благодарности своим подписчикам за то, что они остались ему верны, слов, в которых выражается самое нескрываемое презрение к поразившей его власти... Этот человек настоящий атлет в самом

деле»... Через неделю Тютчев возвращается к той же теме: «Аксаков, как я и предчувствовал, уже получил предостережение за свою первую статью. Есть что-то ребяческое в упорстве в этой невозможной борьбе против грубой силы и в намерении повалить стену вместо того, чтобы, сделав несколько шагов в сторону, обойти ее. Но верно также и то, что эти недоразумения еще ярче заставляют выступать все, что есть отталкивающего в тех влияниях, которые теперь преобладают над стоящими у власти. Но приближаются грозные события, которые будут для них страшным судом» («Les crises formidables qui approchent ne tarderont pas en faire justice»). – 13 августа Тютчев пишет: «Вчера я навестил князя Лобанова, управляющего министерством, которого я нашел очень дурно расположенным к газете Аксакова; ей угрожает второе предостережение и в самую неудобную минуту, что меня конечно побудило высказать несколько горьких истин об управлении печатью, не обладающем ни умом, ни честностью»... А 17 августа опять об Аксакове: «Здесь (т. е. в Петербурге) я застал власти очень раздраженными против Аксакова по поводу одной из его последних статей, и если ему удастся избежать второго предостережения, то он, конечно, будет этим обязан мне. У него необыкновенная способность возбуждать против себя самые досадные предубеждения». («Стар. и Нов.» 1916. XXI кн., стр. 226–229). И, наконец, 31 августа: «Удар, угрожавший газете Аксакова, был к счастью предотвращен, вероятно, благодаря отсутствию Валуева. От-

ступили перед ответственностью принять это решение, которое было бы возмутительной несправедливостью, потому что в последнее время в газете Каткова появились статьи, гораздо более важные и еще более враждебные. И так как я знал, что ни у кого не хватит мужества тронуть газету Каткова, то я потребовал, чтобы сначала было сделано предостережение ее статьям, так как иначе ясно обнаружилась бы наша непоследовательность и наша трусость. Дело в том, что этот злополучный Совет по делам печати есть нечто жалкое и совершенно достойное отражение того целого, часть которого он составляет.» (Ibid, стр. 229–230).

К. К. Арсеньев в своей книге «Законодательство о печати» сообщает: «Поводы к предостережениям, постигшим „Москву“, были довольно разнообразны. Мы встречаем между ними и „неточное и одностороннее толкование полицейских распоряжений“, и „резкое порицание правительственных мероприятий по важному предмету государственного правосудия“ (смертная казнь), и „сопоставление некоторых тарифных статей о привозимых припасах“, очевидно, не имеющих никакого отношения к продовольственным нуждам рабочего населения, с преувеличенным изображением этих нужд, по случаю бывшего в некоторых губерниях неурожая»... (К. К. Арсеньев. Законодательство о печати. СПб. 1903. Стр. 37).

Но тем не менее И. С. Аксаков настойчиво боролся за право издавать свой независимый орган, несмотря на град ре-

прессий, который обрушился на его голову. Когда 26 марта 1867 года его газета была приостановлена, он, публикуя после вынужденного трехмесячного молчания очередной номер «Москвы», писал, между прочим: «Редактор и его публика соединены между собою общностью самых заветных, самых святых интересов. Свобода мысли и слова их общее достояние, общее дело, и всякое административное стеснение этой свободы с таким же чувством принимается редактором, как и каждым из его подписчиков. Принятые против нас меры в немалой степени содействовали успеху того самого дела, которое мы защищали.

Они придали ему известность и гласность»... («Москва» 1867 г., 30 июня, № 71).

Тютчев то негодует на репрессии Главного Управления по делам печати, то умоляет Аксакова смягчить тон. – 4 января 1868 года он пишет Аксакову: «Ваши две последние статьи о предостережениях здесь произвели сильный эффект и, разумеется, сильно раздражили против вас предержавшую власть, которая упрекает вас в недостатке всякой деликатности, почти что в неблагодарности. Я имел вчера по этому случаю довольно оживленный разговор с Похвисневым, не приведший, понятно, ни к какому заключению». Статьи, о которых упоминает Тютчев, были напечатаны Аксаковым 29-го и 31-го декабря 1868 года в «Москвиче», газете, которую он издавал вместо приостановленной «Москвы».

Второго января 1869 г. Тютчев писал Аксакову: «Избегая

всякой торжественности, убедительно прошу вас, любезнейший Иван Сергеевич, придать этим строкам самое серьезное значение. Речь идет не о малом... Вы, вероятно, уже известились, что Тимашев, после долгих колебаний, решил, наконец, внести дело Москвы в 1-й Департамент Сената. Эта выходка поразила здесь всех или своею крайнею нелепостью, или своею крайнею наглостью... В самом деле предложить Сенату объявить преступным направление такого издания, которое постоянно и энергичнее всякого другого защищало все основные начала русского общества, те начала, гласное отрицание которых равнялось бы государственной измене. Это нечто близкое к безумию. Но что бы то ни было – сознательно или бессознательно – в вашем лице, – и вы вполне достойны этой чести, – брошен самый наглый вызов всему русскому общественному чувству и убеждению тою шайкою людей, которая так безнаказанно тяготеет над Россией и позорит государя и вы, конечно, не усумнитесь поднять брошенной перчатки – насколько это от Вас зависит. Мы все, друзья ваши, все люди разделяющие ваш образ мыслей, мы все убеждены, что в этом деле, которое становится государственным вопросом первой важности, счастливый исход дела много и очень много зависит от вашего здесь присутствия, а потому просим вас приехать сюда безотлагательно. Я знаю достоверным образом, что члены первого департамента страшно озадачены тем положением, в которое они поставлены. Они очень хорошо понимают, чего от них требуют. Но дав-

ление сверху сильно, и очень сомнительно, чтобы все они под этим натиском усидели на своих курульских креслах, но и одного протеста достаточно, чтобы дело перенесено было в общее собрание, и вот на этот случай присутствие ваше в Петербурге оказывается необходимым. Князь Оболенский Вам тоже пишет, и конечно обстоятельнее и убедительнее моего. Есть для каждого ложного направления роковая необходимость довести себя до самоубийственного абсурда, не только словом, но и на деле, наша же обязанность этим воспользоваться. Что сам Валуев действительно хлопотал о восстановлении „Москвы“ это не подлежит сомнению. Это с первого взгляда что-то вроде средневековой легенды, но что заставило беса строить церковь, определить трудно. Конечно Валуев далеко не бес, а просто пустейший из людей. Желание ли угодить императрице, протест ли единодушный общественного мнения, охота ли полиберальничать и повеликодушничать, все ли это вместе? – Как это разобрать? Для людей действительно без самостоятельности нет и не может быть разумной оценки, и вернейший способ для превратного понимания их действий это стремление их осмыслить. В этот промах невольно впадаешь, смотря на них издали. Полемика, вызванная статьей „Северной Почты“, не поведет ни к чему, за неимением почвы. Для уяснения вопроса следовало бы из области юридических определений перейти к конкретным фактам и личностям. Надобно было бы сказать вот что: в русском обществе два учения, два направления – рус-

ское и антирусское. При содействии существующего порядка судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить анти-русское направление верховным и полновластным судьей всей мыслящей России и как ни поразительно подобное безобразие, в самых высших сферах к нему относятся равнодушно, и оно само по себе и без какого-нибудь постороннего обстоятельства никак не вызовет никакой реакции – это положительно. Князь Оболенский, который сгоряча хотел было отвечать, благоразумно остыл и успокоился». (Мур. Арх. I, 17/6).

Как известно, в 1869 году «Москва» уже не выходила. Правительство задушило единственный славянофильский орган той эпохи.

Положение Тютчева по отношению к цензуре было двусмысленно: с одной стороны, он был сторонником свободы печати; с другой стороны, он сам служил в цензурном ведомстве, а с 1857 года состоял председателем Комитета Иностранной Цензуры и в силу этого являлся членом Главного Управления по делам печати.

Известно стихотворение поэта в альбом сослуживца П. А. Вакара:

Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцером в руках.
Мы им владели неохотно,

Грозили редко и скорей
Не арестанский, а почетный
Держали караул при ней.

Неловкость положения Тютчева усугублялась в данном случае родственными связями. Аксаков был зятем поэта. Это дало повод Н. Ф. Щербине написать злую эпигramму на Тютчева.

Известна также записка Тютчева о цензуре, поданная им князю М. Д. Горчакову в ноябре 1857 года. Она появилась в печати лишь в 1873 году, на столбцах «Русского Архива».

Поэт лежал в это время на смертном одре, разбитый параличем. Узнав о том, что его статья в защиту свободы печати увидела, наконец, свет, он перечитал ее и продиктовал письмо в Москву: «Перечитывая мою записку, которая и в настоящий миг трепещет современным интересом, я убедился, что самая бесполезная вещь на сем свете – быть правым. Через тридцать лет, конечно, все будут думать об этом предмете то же, что я тогда думал, но зло будет уже сделано и, вероятно, зло непоправимое»...

Аксаков, после смерти Тютчева, тотчас же принялся писать биографию поэта. Она была напечатана в «Русском Архиве» 1874 года, но отдельным изданием выпустить ее тогда не удалось: власти нашли ее «опасной». Таким образом цензурные неудачи Аксакова продолжались и после кончины поэта. Борьба с царскою цензурою этих двух славянофи-

лов, если позволительно отнести Тютчева к этой группе тогдашней интеллигенции, лишь один эпизод в истории отношений Аксакова и Тютчева. Будущий историк русской культуры XIX века едва ли пройдет равнодушно мимо этих двух фигур, весьма выразительных и характерных для некоторых стародворянских кругов эпохи Александра II-го.